

СТАТЬИ

«УОТЕРГЕЙТ» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

■
Ю. М. Мельников

Одним из важных и наименее исследованных аспектов так называемого уотергейтского дела¹ является его воздействие на внутриполитическую борьбу по вопросам внешней политики США и на саму эту политику.

Уотергейтское дело отразило остроту и неприглядность внутриполитических конфликтов между исполнительной, законодательной и судебной властями, между республиканцами и демократами, между различными монополистическими группировками, между лично президентом Никсоном и его сторонниками, с одной стороны, и антиниксоновскими силами — с другой. «Уотергейт» стал как орудием столкновения за влияние и господство в Вашингтоне, так и ареной непосредственной борьбы за формирование и направление внешнеполитического курса США. Наряду с этим неразрывно связанные с внутренней политикой и положением в стране внешняя политика и дипломатия США оказались под все более сильным воздействием самого хода и результатов уотергейтского расследования деятельности президента Никсона и его правительства.

Как и всякое событие, «уотергейт» имеет не только свою историю, но и предысторию, внутри- и внешнеполитическую.

Кризис на рубеже 60—70-х годов глобальной антикоммунистической политики США, наиболее ярким выражением которого стал провал американской агрессии во Вьетнаме, привел к серьезному обострению социально-экономических противоречий внутри страны. Возросло недоверие широких кругов общественности к непосредственным творцам американской внешней политики — к президенту, к его окружению в Белом доме и членам кабинета. В США усилились требования пересмотреть национальные приоритеты, при-

¹ Формально началом тому, что получило впоследствии обобщенное название «уотергейт», можно считать решение, принятое в феврале 1972 г. комитетом по переизбранию президента (Р. М. Никсона от республиканской партии на выборах 1972 г.), организовать «наблюдение» (с помощью взлома двери и установки подслушивающей аппаратуры) за расположенной в жилищно-гостиничном комплексе «Уотергейт» в Вашингтоне штаб-квартирой демократической партии, а концом — вынужденную в результате разоблачения этой «операции» и угрозы импичмента (судебного процесса в конгрессе) отставку Никсона с поста президента 9 августа 1974 г.

влечь больше внимания к назревшим внутренним вопросам, ограничить полномочия исполнительной власти и восстановить prerogatives и контроль американских законодателей над проведением внешней и военной политики.

Влияние войны во Вьетнаме, писал известный обозреватель Дж. Рстон, «долго будет сказываться на американской жизни... В результате этой войны произошло резкое падение уважения к авторитетам США — падение уважения не только к гражданскому авторитету правительства, но также к моральному авторитету — школам, университетам, печати, церкви и даже семьи... С американской жизнью что-то произошло: что-то еще непонятное или невосприимчивое, что-то новое, важное и, вероятно, длительное по своему характеру»².

Одним из первых признаков ослабления позиций главного центра государственной власти США — института президентства (согласно американской конституции, именно президент является главой как государства, так и правительства, а также верховным главнокомандующим вооруженными силами) был сенсационный отказ действующего президента и лидера правящей демократической партии Л. Джонсона от выдвижения своей кандидатуры на выборах 1968 г. Провалы внешней и внутренней политики правительства Джонсона, раскол между различными группировками демократов позволили республиканцам одержать победу на этих выборах и вернуться в Белый дом.

Республиканское правительство президента Никсона, встав на путь внесения ряда вынужденных коррективов в американскую политику, в то же время оказало упорное сопротивление всем попыткам ограничить его «самовластие». Довольно гибкое сочетание отдельных маневров и уступок общественности с жесткими мерами по подавлению оппозиции, с заглушением критиков правительства, наложением вето на законопроекты, направленные на ограничение свободы действий Белого дома в использовании вооруженных сил США в Индокитае и вообще на мировой арене, позволило Р. Никсону снова несколько укрепить авторитет президентской власти.

Не отказываясь от использования военной силы и потенциала самих США в их международной деятельности, правительство Никсона — Киссинджера в то же время стремилось, во-первых, сделать главный акцент на ядерной мощи, ВВС и ВМС США как основных орудиях глобальной стратегии, во-вторых, переложить бремя сухопутных «локальных войн» и «обороны свободного мира» в значительной мере на американских союзников и, в-третьих, более широко применять при проведении внешней политики «мирные» — дипломатические, экономические, идеологические (или так называемые «скрытые») — подрывные методы с помощью ЦРУ и т. п.

Вынужденное признание примерного равенства в соотношении сил между СССР и США, осознание угрозы термоядерной войны

² New York Times, 1973, Jan. 24.

для существования и «выживания» Америки, печальный для американского империализма опыт интервенции во Вьетнаме, обострение противоречий между США и другими капиталистическими государствами — все это наряду с соображениями личного, партийного и национального престижа, приукрашивания собственной политики, предвыборной борьбы побудило администрацию Никсона выдвинуть многообещающие внешнеполитические лозунги о переходе «от эры конфронтации к эре переговоров», об обеспечении «поколения мира» и т. д. «Мы поверили, что можем перейти от постоянных кризисов к более стабильной международной системе», — говорил Р. Никсон во внешнеполитическом послании конгрессу 3 мая 1973 г.³ И сознавая, что в современную эпоху как избавление США от угрозы термоядерной войны, так и обеспечение международного сотрудничества в решении многих экономических, энергетических, научно-технических, экологических и других глобальных проблем прежде и больше всего связаны с состоянием советско-американских отношений, президент тут же подчеркивал свою «ответственность за выработку позитивных взаимоотношений с Советским Союзом»⁴.

Первый период пребывания президента Р. Никсона в Белом доме заканчивался в 1972 г. с заметными сдвигами во внешне- и внутривластной жизни Соединенных Штатов. Завершалась, хотя и с большими зигзагами и задержками, агрессивная война США во Вьетнаме. В результате визита президента в Москву в мае 1972 г. и его переговоров с высшими руководителями СССР начался поворот в советско-американских отношениях: были подписаны первые важные документы, и прежде всего «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», объявлявшие фундаментом этих взаимоотношений принципы мирного сосуществования.

«Центральной заботой Никсона, — признавал один из критиков его внешней политики, Т. Сдулс, — были отношения с Советским Союзом. Обе державы — США и СССР — достигли такого пункта в создании своих ядерных потенциалов, когда может произойти смертельное столкновение, если не будет достигнуто соглашение об ограничении дальнейшего развития стратегического оружия. Теория гласила, что угроза термоядерной войны возрастает по мере того, как разворачиваются новые системы вооружений. Один из выводов сводился к убеждению, что для создания климата, при котором возможны переговоры, обе державы должны стремиться к „разрядке“ ситуаций во всем мире, чреватых конфронтацией между ними»⁵.

Заключение Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временного соглашения о некоторых мерах в

³ U. S. Foreign Policy for the 1970's: Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon... Wash., 1973, p. 6.

⁴ Ibid.

⁵ Szulc T. The Illusion of Peace. Foreign Policy in the Nixon Years. N. Y., 1978, p. 69.

области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), как и других соглашений между СССР и США в сфере экономики, науки и т. д., было положительно оценено широкими кругами мировой и американской общественности. Вашингтон предпринял также шаги к улучшению отношений с другими социалистическими странами.

Благоприятная реакция большинства американского народа на сдвиги во внешней политике США в сторону реализма, особенно в направлении нормализации отношений с СССР, убедила администрацию Никсона—Киссинджера в том, что проводимый ею внешнеполитический курс приносит, помимо всего прочего, также определенные внутриполитические дивиденды. Преемственность этого курса стала, таким образом, одним из лозунгов президента на выборах 1972 г.

Позиции Никсона к этому времени были прочнее, чем в предшествующие годы. Провозглашенная в августе 1971 г. так называемая «новая экономическая политика» республиканского правительства временно несколько облегчила и стабилизировала внутри- и внешнеэкономическое положение страны. В результате «вьетнамизации», а затем и завершения американской войны в Индокитае, проведения политики «черного капитализма» и т. п., с одной стороны, подавления и репрессий против прогрессивных антивоенных, негритянских, студенческих и прочих организаций — с другой, правящим кругам США удалось несколько «умиротворить» страну, сбить волну движений протеста, которые потрясали Америку во второй половине 60-х — начале 70-х годов.

В пользу Р. Никсона складывалась и расстановка сил между двумя главными политическими партиями США: в то время как республиканцы сплотились вокруг президента и усилили позиции в ряде крупнейших штатов и городов страны, демократическая партия оказалась раздробленной и ослабленной, а ее официальный кандидат сенатор Макговерн выступал не только без поддержки, но и борясь с оппозицией своей кандидатуре, представленной правым крылом и отчасти центром партии, а также обычно поддерживающими ее профсоюзами АФТ—КПП. Наковец, на стороне правящей партии и находящегося в Белом доме кандидата, как всегда, были все традиционные в таких случаях преимущества в использовании авторитета, рычагов и ресурсов государственной власти и аппарата, телевидения и других средств массовых коммуникаций, в «автоматизме» голосования за «работающего президента» и т. д.

В целом Никсону удалось в первый период пребывания в Белом доме не только отбить нападки на все большую концентрацию прерогатив и полномочий власти в руках президента, но и продвинуть этот процесс еще дальше. Политические деятели США, замечая по этому поводу 24 мая 1972 г. конгрессмен Фрейзер, испытывали чувство «полного отчаяния» в связи с тем, что «президент стоит выше легальных санкций», что «он действует таким образом,

который ставит его выше закона» и что конгресс «реально утратил контроль» (над президентом.— Ю. М.)⁶.

Организация и проведение операции «уотергейт» в таких условиях казались в некотором роде «перестраховкой» ближайшего окружения президента, и без того не имевшего перед собой сильного противника и фактически заранее обеспечившего собственную победу на выборах.

В действительности, однако, в самой нелогичности и авантюристичности «уотергейта» таилась определенная закономерность. Эта операция, с одной стороны, отражала страх официального Вашингтона перед непрекращающейся оппозицией, ростом скрытого и явного недовольства, упадком доверия американского народа к правительству. «Общественное мнение о правительстве Соединенных Штатов вряд ли находилось когда-либо на столь низком уровне, как сегодня,— писал за несколько месяцев до избирательной кампании 1972 г. влиятельный орган делового мира США.— Это недовольство не носит партийного характера. Его разделяют члены обеих партий и все растущее число людей, не причисляющих себя ни к какой партии. Его придерживаются даже многие служащие государственных учреждений»⁷.

С другой стороны, «уотергейт» явился дальнейшим этапом развития кризиса буржуазных государственных учреждений и морали, обострения внутривластных противоречий и борьбы в стране. Чем больше власти концентрировал в своих руках президент, тем активнее его политические противники искали повод и выбирали момент для нанесения ему удара. При этом речь шла не просто о формальном перераспределении власти между различными политическими институтами (хотя и этот вопрос играл, несомненно, важную роль в 1972 г., как и всегда в США с их системой «дележа добычи» между победителями), а о том, какую политику, в чьих интересах и какими методами будут проводить эти институты, и в первую очередь Белый дом.

Необходимо в связи с этим отметить, что инцидент с «Уотергейтом» почти совсем не фигурировал в предвыборной кампании 1972 г., несмотря на то что после него до дня выборов прошло более полугода. И дело отнюдь не только в том, как это утверждают американские журналисты и историки, что Никсону и его ближайшим помощникам удалось долгое время держать в страхе и заставлять молчать всех, кто что-либо знал о нападении на штаб-квартиру демократов (в том числе сотрудников Белого дома и ФБР, судей и свидетелей и т. д.). Гораздо более важно то обстоятельство, что те влиятельные силы, которые позднее раскрутили до конца уотергейтское дело, хотели.. победы Никсона над Макговерном, представлявшимся им слишком «левым». Особое недоволь-

⁶ National Security Policy and the Changing World Power Alignment. Hearing-symposium before the Subcommittee on National Security Policy and Scientific Development..., 92nd Congress, 2nd Session, 1972, p. 52.

⁷ Fortune, 1971, Aug., p. 137.

ство этих сил вызывали некоторые пункты внешнеполитической программы Макговерна: отдача приоритета «больным» внутренним проблемам страны, резкое сокращение вооружений США, немедленный и полный уход США из Индокитая и всей Юго-Восточной Азии и т. п.

Интересно, что, говоря о попытках сенатора-«ястреба» Г. Джексона побудить Вашингтон в этот момент занять более жесткую позицию по отношению к СССР, американский обозреватель Х. Александер отмечал: «Целью Джексона... является не поражение президента. Он явственно предпочитает военную программу Никсона программе Макговерна»⁸. Таким образом, сенатор-демократ в период избирательной кампании 1972 г. желал, чтобы в Белом доме скорее оставался президент-республиканец, чем появился новый президент-демократ! Понятно, что при такой расстановке сил шансы на немедленное расследование «уотергейта», как и на победу Макговерна, фактически были ничтожны.

В конечном счете «уотергейт» должен был быть и оказался направленным не только против лично президента Р. Никсона как политического противника, но и против некоторых, причем преимущественно реалистических, аспектов его внешней политики.

Дело заключалось в том, что, хотя определенные круги в США с самого начала отвергали заключенные в Москве в мае 1972 г. соглашения об ограничении стратегических вооружений, репутация, власть и престиж Р. Никсона стояли в тот момент еще столь высоко, в том числе среди американских консерваторов, что они считали безнадежной борьбу против этих соглашений. Действительно по рекомендации правительства сенат США ратифицировал Московские соглашения об ограничении стратегических вооружений большинством в 88 голосов против 2.

Кампания за расследование предвыборного преступления в «Уотергейте» стала по существу набирать силу лишь после весьма внушительной победы Р. Никсона над Макговерном. К лету 1973 г. уже шесть больших жюри, четыре комиссии сената и две комиссии палаты представителей занимались расследованием различных аспектов «уотергейта»⁹. И несмотря на все попытки администрации Никсона замаять назревающий скандал, его положение становилось все более шатким. 72 из 125 членов аппарата Белого дома сами ушли или вынуждены были подать в отставку. Около 400 важных постов в правительстве, включая должность постоянного (утвержденного конгрессом) директора ФБР, оставались вакантными или только временно занятыми в первой половине 1973 г.¹⁰ Осенью 1973 г. вынужден был уйти в отставку вице-президент США С. Агню, оказавшийся замешанным в ряде жульнических махинаций.

Все это, разумеется, способствовало ослаблению института президентства, исполнительной власти, дальнейшему обострению «кри-

⁸ Daily News Record, 1972, Aug. 14.

⁹ Myerson M. Watergate. Crime in the Suites. N. Y., 1973, p. 24.

¹⁰ Ibid.

зиса доверия» к Белому дому, к официальному Вашингтону. Очередные опросы общественного мнения Л. Гарриса в начале мая 1973 г. показали, что $\frac{2}{3}$ опрошенных американцев не верят выдвинутой в свое оправдание правительством версии уотергейтского дела и всего лишь 9% готовы поверить в то, что президент лично говорит об этом деле и о своем отношении к нему¹¹.

Приобретающий все больший размах процесс расследования «уотергейта» и преследования замешанных в нем лиц неминуемо воздействовал, независимо от чьей-либо воли, и на расстановку внутриполитических сил в США по внешнеполитическим вопросам, на формулирование и на проведение правящими кругами глобальной политики, на взаимоотношения со многими государствами, на всю систему международных отношений, престиж и влияние США.

Расследование «уотергейта», в частности, вело к тому, что даже политические деятели, поддерживавшие внутреннюю и внешнюю политику правительства Никсона, в том числе курс на улучшение советско-американских отношений, стали воздерживаться от открытого выражения этой поддержки, не желая или опасаясь отождествлять себя с дискредитированным руководством страны. Как признавал в неофициальных беседах Г. Киссинджер, «уотергейт» случился в «самый критический момент», когда другие условия благоприятствовали созданию «стабильного мира», и теперь все «сооружение может с треском рухнуть»¹².

Последовавший непосредственно за «вьетнамской травмой» «уотергейт» нанес новый и весьма чувствительный удар по традиционной системе взглядов американцев на собственную страну и на ее роль в мире. Углубление «кризиса доверия» к правительству во главе с самим президентом сопровождалось утратой многими из них иллюзий о демократии США. Чувство стыда за раскрывающуюся картину коррупции системы государственной власти в США, лжи, террора, продажности, карьеризма американских политических деятелей усиливало среди широких кругов общественности настроение в пользу изменения национальных приоритетов, отказа от глобальной политики вмешательства в дела других народов, в пользу «чистки собственного дома».

Разматывающие клубок «уотергейта» влиятельные силы в США между тем преследовали другие цели. Прежде всего они отнюдь не собирались сколько-нибудь радикально «чистить» или «обновлять» систему государственно-монополистической власти, подрывать авторитет или резко ограничивать полномочия института президентства. Для них речь шла лишь о том, чтобы заменить одного, хотя и самого высокопоставленного, деятеля, совершившего должностные и личные «ошибки» и преступление, другим, а весь эпизод подать затем с помощью мощнейшей пропагандистской машины как очередное.. «торжество американской демократии», пример ее «жизне-

¹¹ Ibid., p. 28.

¹² Newsweek, 1973, July 30, p. 11.

способности», «самоусовершенствования» и т. п. Уотергейтское дело должно было привести лишь к определенному перераспределению власти внутри самой правящей элиты США и в то же время укрепить в целом ее господство в стране; задать политической активности и недовольству общественности строго ограниченное и контролируемое антиниксоновское направление.

Вместе с тем различные группировки господствующего класса, добиваясь отставки хозяина Белого дома, стремились внести те или иные изменения в проводившуюся его правительством внутреннюю и внешнюю политику в зависимости от собственных интересов, мировоззрений, сил и возможностей.

В ходе уотергейтского дела определенный сдвиг произошел прежде всего в обострившейся еще в связи с Вьетнамом борьбе между Белым домом и конгрессом за соотношение их полномочий в проведении внешней и военной политики США. «Это едва ли делает честь конгрессу, — заметил сенатор Ф. Черч, — но надо было случиться „уотергейту“, чтобы придать смелость законодателям положить конец американскому участию в индокитайской войне»¹³.

Пытаясь и после подписания Парижских соглашений по Индокитаю в январе 1973 г. спасти от развала марионеточные режимы в Южном Вьетнаме и Камбодже, правительство Никсона настаивало на оказании им по-прежнему обширной помощи, как экономической, так и военной, в том числе на использовании американских бомбардировщиков в боях в Камбодже. Сенат и раньше неоднократно выступал против продолжения вмешательства США в Индокитае, но все соответствующие предложения и поправки наталкивались на несогласие палаты представителей, большинство которой вплоть до весны 1973 г. склонялось к поддержке действий правительства. Однако, когда в мае 1973 г. оно попросило ассигновать еще 500 млн. долл. на продолжение бомбардировок в Камбодже, впервые за все время пребывания Никсона в Белом доме палата представителей 219 голосами против 188 блокировала подобную просьбу, заняв негативную позицию.

Переход растущего числа конгрессменов от поддержки президента к оппозиции ему привел к тому, что 7 ноября 1973 г. после нескольких лет ожесточенных споров конгресс более чем $\frac{2}{3}$ голосов обеих палат (сенат — 73 голоса против 19; палата представителей — 284 против 135) добился отклонения вето Р. Никсона на законопроект об ограничении власти президента в области ведения войны за пределами США, который, таким образом, стал законом.

Эта победа определенной части конгрессменов над президентом в значительной мере оказалась возможной в результате дальнейшего нарастания оппозиции американской общественности проявлениям авантюризма и интервенционизма во внешней политике США и серьезного подрыва позиции и авторитета президента в ходе уотергейтского скандала, отхода от него многих прежних сторон-

¹³ Crisis in Confidence. The Impact of Watergate / Ed. by D. W. Harward. Boston, 1974, p. 96.

ников. «Столкнувшись со злоупотреблениями исполнительной власти, раскрытыми в ходе уотергейтского расследования, и ободренный ослаблением власти президента, попавшего под огонь критики,— писал Дж. Солес из Делавэрского университета,— конгресс, по-видимому, желает наложить новую узду на президентство. Ярчайшее свидетельство этой новой позиции — принятие закона о военных полномочиях 1973 г., который с легкостью преодолел вето президента Никсона»¹⁴.

Наряду с вопросом о военных полномочиях президента в период уотергейтского расследования в конгрессе предметами борьбы стали также иностранная помощь, присутствие американских вооруженных сил на территории других стран, военные расходы и др. С критикой различных пережитков «холодной войны» выступили многие видные сенаторы США. Лидер демократического большинства в сенате М. Мэнсфилд подверг, например, критике НАТО, сказав, что это «самая большая и наименее гибкая из организаций „холодной войны“, которая на протяжении многих лет противится требованиям о переменах»¹⁵. Мэнсфилд снова внес резолюцию о значительном сокращении численности американских войск в Европе, получившую поддержку многих сенаторов.

Впервые за многие годы сенат заблокировал в 1974 г. правительственную программу помощи иностранным государствам. Эта программа и раньше неоднократно была предметом критики со стороны как «левых», так и правых кругов в стране и в конгрессе. Различные либеральные и радикальные деятели нередко выступали против предоставления кредитов, оружия и других видов американской «помощи» реакционным военным диктатурам, которых Вашингтон поддерживал в рамках своей общей антикоммунистической стратегии. Несмотря на критику, правительственные программы помощи благополучно проходили через конгресс. Однако в 1974 г. сенаторы внесли в представленный администрацией Никсона очередной законопроект об иностранной помощи столько поправок, в том числе запрещающих или сильно урезающих помощь южно-вьетнамскому, южнокорейскому, фашистскому чилийскому и другим реакционным режимам, что в конечном счете и правительство и сенат решили вернуть этот законопроект в комиссию по иностранным делам для «дальнейшего изучения» и фактического пересмотра билля.

Обострение борьбы в стране и конгрессе по вопросам внешней и военной политики в период «уотергейта» не выходило и не могло выйти за рамки споров относительно приоритетов и целей, стратегии и тактики, методов и средств единого классового империалистического курса США на мировой арене. Как отмечали американские газеты, «имеются пределы воздействия „уотергейта“ на американскую внешнюю политику»¹⁶. Американская пресса признавала, что

¹⁴ Ibid., p. 194.

¹⁵ Цит. по: Правда, 1973, 27 июля.

¹⁶ Цит. по: Правда, 1973, 26 авг.

«даже в конгрессе, несмотря на изменение отношения к продолжающимся бомбежкам в Камбодже, несмотря на убывающее влияние президента Никсона на Капитолийском холме и фактический мятеж многих республиканцев против его лидерства, все же пока еще невозможно начать решающую схватку по внешней политике»¹⁷.

Одновременно под воздействием «уотергейта» и его последствий снова заметно обострилась борьба различных тенденций в американской политике, в том числе более или менее реалистической, умеренной и откровенно реакционной, агрессивной.

Хотя более реалистическим и пацифистским силам общественности, в конгрессе и среди правящих кругов США удалось в этот период добиться отдельных положительных сдвигов в американской политике, в целом уотергейтское дело больше всего сыграло на руку в области внутренних дел — демократической партии, а во внешней политике — консерваторам и реакционерам, использовавшим изменения в расстановке сил в стране и конгрессе в своих узкокорыстных интересах, и прежде всего в оживлении антикоммунистических и антисоветских предрассудков, в разжигании новой военной истерии, в организации своего рода контрнаступления против разрядки, улучшения советско-американских отношений, курса на признание и приспособление к новым мировым реальностям.

В самом начале поворота к улучшению советско-американских отношений в 1972 г. антикоммунистические, антисоветские силы в США в какой-то мере были озадачены и застигнуты врасплох тем, что этот поворот со стороны США стало осуществлять республиканское правительство президента Никсона. К моменту прихода в Белый дом Р. Никсон, можно сказать, имел «незапятнанную» репутацию яркого антикоммуниста, рыцаря «холодной войны», которую он приобрел с первых шагов своей политической карьеры. К тому же и в период пребывания на посту президента США с января 1969 г. Никсон систематически предпринимал в области как внутренней, так и внешней политики различные акции, вполне отвечавшие геополитическим догмам и реакционным устремлениям правых, консервативных кругов США, укреплявшие его положение как «сильного» главы государства и республиканской партии. Все это затруднило предъявление ему стандартных обвинений в «умиротворении Советского Союза», «односторонних уступках коммунистам» и т. п., когда он признал необходимость перехода США от конфронтации к переговорам с СССР.

Однако все ускоряющееся падение авторитета и власти Никсона в ходе расследования «уотергейта» вело к усилению кампании нападок на него самого и проводимую им политику не только со стороны его старых политических противников, но и из рядов самой республиканской партии, многих его прежних единомышленников. Сдерживаемые ими ранее «сомнения», настороженность, недовольство прежде всего в отношении разрядки международной напряженности, ограничения гонки вооружений, нормализации советско-аме-

¹⁷ International Herald Tribune, 1973, May 18.

риканских отношений теперь, когда Никсон соскальзывал с поста президента, а заодно и с пьедестала их прежнего лидера и кумира, все чаще и громче прорывались наружу. «Давление против детанта,— свидетельствовал видный американский историк и советолог, бывший дипломат Дж. Кеннан,— никогда не прекращалось в Вашингтоне, даже в момент его наивысшего развития; оно только подавлялось преходящим престижем и авторитетом Белого дома. По мере же того, как власть никсоновской администрации ослабевала в 1973 и 1974 гг., силы, выступающие против детанта, снова развернулись в боевые порядки и с большой эффективностью»¹⁸.

Вопреки нормам международного права и взаимоотношений между суверенными государствами противники улучшения советско-американских отношений стали пытаться обусловить развитие этих отношений необходимостью изменения внутренних законов СССР. Они широко пустили в ход утверждения о том, якобы Советский Союз получает «односторонние выгоды и уступки» со стороны США в вопросах сокращения вооружений, торговли и т. п., что эти «уступки» должны «компенсироваться» отказом СССР от ряда своих принципиальных внутри- и внешнеполитических позиций. На СССР возлагалась «ответственность» за ... энергетический кризис, рост инфляции и другие экономические трудности США. Лживые заявления о «нарушениях прав человека» в Советском Союзе, о якобы растущей военной угрозе с его стороны, требования усиления военных приготовлений США и проведения более жесткой линии по отношению к СССР и другим социалистическим странам сопровождались открытыми нападками на уже достигнутые или намечаемые позитивные сдвиги в советско-американских соглашениях.

В одном из интервью сенатор Б. Голдуотер заявил, например: «Мы никогда не были в худшей позиции, чем сегодня, чтобы вести разговоры о детанте... Советы превосходят нас ныне в каждой категории военного снаряжения... Обладая такой силой, они рассчитывают убедить наших союзников и противников, что мы не будем противостоять им. В качестве единственного ответа на это мы должны иметь президента и государственный департамент, которые смогут встретить подобные конфронтации, и военных, способных пройти через любое необходимое испытание... Мы были по глупости (!) втянуты в договор о прекращении испытаний (атомного оружия.— Ю. М.) и в СОЛТ (переговоры об ограничении стратегических вооружений.— Ю. М.)... Все это предназначено для ослабления позиций США»¹⁹.

Те же самые политические деятели, еще недавно поддерживавшие Никсона против Макговерна, обрушивались теперь на него со стандартными обвинениями в «слабости», «неумении вести дела с русскими», «капитулянтстве» и т. п.; которые выдвигались против его соперника на выборах 1972 г.

¹⁸ Foreign Affairs, 1976, July, p. 687—688.

¹⁹ U. S. News and World Report, 1974, Febr. 11, p. 41.

В начале 1974 г. сенатор Джексон выступил с открытыми и резкими нападениями на правительство Никсона—Киссинджера, будто «оно желает сузить свое понимание детанта до такой степени, чтобы исключить из него вопрос о правах человека». Он утверждал, что администрация предоставляет американскому народу якобы «фальшивый выбор между избежанием ядерной войны и сохранением веры в традиционные ценности человеческого достоинства и индивидуальной свободы»²⁰.

Преследуя одновременно несколько целей — оклеветать Советский Союз и попытаться вмешаться в его внутренние дела, сорвать процесс улучшения советско-американских отношений и воспрепятствовать ограничению гонки вооружений, обелить оскандалившуюся «американскую демократию», Джексон и его сторонники развели кампанию за «увязывание» вопросов развития торговли и предоставления американских кредитов СССР с требованиями различных политических и военных уступок с советской стороны, непосредственно затрагивающих ее суверенитет и безопасность. Была внесена в сенат поправка к правительственному законопроекту о форме внешней торговли, запрещающая предоставлять СССР статус наиболее благоприятствуемой нации. «Ограничительные дополнения к законопроекту о торговле, — признавал М. Шульман, возглавлявший в тот период Русский институт Колумбийского университета, — имеют характер ультиматума, выдвигающего невыполнимые условия, которые неизбежно вызовут отпор советского политического руководства и произведут противоположный эффект»²¹. Но этого-то как раз и добивались Джексон и другие консерваторы, которые всячески противодействовали уменьшению напряженности в советско-американских отношениях.

Провокационный характер и далеко идущие цели поправок Джексона, Рэника, Стивенсона и иных конгрессменов, внесенных при обсуждении законопроекта о торговле США с СССР и другими социалистическими странами, были полностью разоблачены в специальном Заявлении ТАСС по данному вопросу. Противники нормализации советско-американской торговли, как и улучшения советско-американских отношений вообще, с самого начала поставили своей целью не допустить налаживания обоюдовыгодных экономических связей между СССР и США, включая взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле и ее кредитовании, а говоря точнее — устранение дискриминационного режима, применяемого в США в отношении Советского Союза. Дело дошло до того, что положительное решение этих вопросов стали обуславливать различного рода оговорками, представляющими собой не что иное, как грубое вмешательство во внутренние дела Советского Союза²².

²⁰ Los Angeles Times, 1974, Mar. 4.

²¹ New York Times, 1974, Mar. 10.

²² Правда, 1974, 19 дек.

Четкое разграничение между проблемами межгосударственных отношений и вопросами, относящимися исключительно к внутренней юрисдикции той или иной страны, было и остается одним из главных условий мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественно-политическим строем. Пытаться ставить любую двустороннюю договоренность между СССР и США в зависимости от каких-то изменений в социальной системе, законодательстве, внутренней политике одного из партнеров было нереальной, авантюристической политикой, и правительство Никсона—Киссинджера понимало это.

Различия между системами Советского Союза и Соединенных Штатов являются глубокими и фундаментальными. Соединенные Штаты, отмечал Никсон, не изменяют их принципам, а руководители Советского Союза не принесут в жертву свои. Но с тех пор как СССР достиг с США равенства в стратегических вооружениях, любые столкновения угрожают потенциальным ядерным уничтожением всех цивилизованных наций. «Сокращение напряженности» между СССР и США, подчеркивал президент, — вот что «является первоочередной необходимостью нашей внешней политики»²³.

Известные американские обозреватели Р. Эванс и Р. Новак писали в газете «Вашингтон пост», что президент Никсон на встрече с руководителями обеих партийных фракций конгресса 22 июня 1973 г. продемонстрировал спокойную, но твердую решимость не позволить, чтобы краеугольный камень его внешней политики — отношения с Москвой, сосредоточенные на торговле, — рухнул из-за вопроса о внутренней политике Советского Союза²⁴. Со своей стороны Г. Киссинджер заявил на одной из пресс-конференций, что если Советскому Союзу не будет предоставлен режим наиболее благоприятствуемой нации, как об этом было условлено в ходе советско-американских переговоров, то «возникнет серьезнейший вопрос о том, в какой мере другие страны — и в данном случае Советский Союз — смогут полагаться на переговоры с США и на их действия в течение того срока, на какой они берут обязательства»²⁵.

Отказ правительства Никсона даже под растущим давлением справа связывать вопросы экономических отношений в СССР с проблемами, относящимися исключительно к его внутренней юрисдикции, одобрялся деловыми и другими реалистически мыслящими кругами США. Отражая мнение этих кругов, известный американский обозреватель Т. Уикер отмечал, в частности, что для Вашингтона «выступление в защиту прав человека в Советском Союзе может выглядеть явной нелепостью, так как Америка поддерживает самые тесные связи с Грецией («черных полковников». — Ю. М.), чилийской хунтой... Южным Вьетнамом, Южной Кореей и другими диктаторскими правительствами»²⁶.

²³ Там же, 6 июня.

²⁴ Washington Post, 1973, June 26.

²⁵ Цит. по: Правда, 1973, 28 сент.

²⁶ Washington Star-News, 1974, Mar. 12.

Пытаясь закрепить на основных рубежах своей политики, правительство Никсона в то же время предприняло ряд мер, направленных на улучшение отношений с конгрессом, на нейтрализацию отдельных моментов критики его внешнеполитического курса. Помощник президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, например, занял одновременно пост государственного секретаря, с тем чтобы подчеркнуть роль государственного департамента — традиционного внешнеполитического учреждения США — в формировании их внешней политики, «сделать ее более доступной для изучения конгресса», отвести обвинения в чрезмерной секретности и изолированности Белого дома и т. д.²⁷

На пресс-конференции Г. Киссинджер, отвечая на вопросы о возможном влиянии «уотергейта» на внешнюю политику США, подчеркнул, что правительство намерено делать упор на те аспекты внешней политики, которые пользуются более широкой поддержкой на двухпартийной основе, и поскольку это достижимо, то весьма вероятно, что воздействие «уотергейта» в области внешней политики может быть сведено к минимуму²⁸.

Правительство Никсона—Киссинджера подчеркивало центристский характер своей внешней политики. Оно стойко отклоняло попытки отдельных групп сенаторов и конгрессменов сдвинуть эту политику дальше в направлении сокращения военных обязательств и расходов США, отказа от поддержки реакционных диктатур, полного ухода США из Юго-Восточной Азии. Отстаивая курс на улучшение отношений с СССР, Никсон одновременно подчеркивал, что проводил и будет проводить этот курс «с позиции силы», а не слабости, что выступает за сохранение военной мощи и союзов США и т. п. Стремясь умиротворить таким образом критиков «справа», администрация Никсона—Киссинджера, однако, не столько успокаивала, сколько еще больше разжигала их непримиримость к политике улучшения советско-американских отношений, переговоров об ограничении вооружений, мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественным строем.

В то же время более реалистическая позиция правительства Никсона по отдельным проблемам советско-американской торговли, невмешательства во внутренние дела СССР, созыва Женевской конференции по Ближнему Востоку и др. вызвала в атмосфере уотергейтского скандала незамедлительную и открыто враждебную реакцию со стороны реакционных, милитаристских, шовинистических кругов.

Усиление антиниксоновской кампании в США за счет нападок на якобы «умиротворенческую» позицию президента в отношении СССР вело в свою очередь к дальнейшему расширению фронта его противников. «Крупный спор разгорелся внутри администрации Никсона по вопросу о том, как далеко должна идти политика де-танта... — сообщали американские газеты. — Центр этого спора нахо-

²⁷ Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1982, p. 4—5, 122—126, 446—447 а. о.

²⁸ Цит. по: Правда, 1973, 26 авг.

дится в конгрессе и Пентагоне, но его отзвуки распространяются вовне, на различные идеологические и этнические группы»²⁹.

Чем дальше разворачивалось уотергейтское дело, тем все отчетливее создавалось впечатление, что наряду с коррупцией проведение курса на улучшение советско-американских отношений становилось важнейшим обвинением против президента Р. Никсона. При этом для многих «антиниксоновцев» вопросы подрыва этой политики представлялись более важными, чем восстановление «справедливости», «честности», «непорочности американской демократии».

Если для одних реакционных кругов и деятелей вроде сенатора Джексона от демократической партии, милитаристов, сионистов и профбюрократов политика Никсона—Киссинджера в отношении СССР явилась фактически главной причиной их присоединения к требованиям об отставке президента, то для других (преимущественно из республиканской партии) ослабление в результате расследования уотергейтского дела позиций Р. Никсона представляло собой прежде всего удобный момент и повод, чтобы попытаться покончить с не одобренным ими курсом на переход от конфронтации к переговорам с СССР, повернуть вспять процесс нормализации международных отношений. Так, в марте 1974 г. с требованием об отставке Никсона с поста президента впервые открыто выступил сенатор Бакли (республиканец от штата Нью-Йорк), один из наиболее ярых критиков политики ослабления международной напряженности и налаживания советско-американских отношений.

Способности и возможности президента Никсона, его кабинета разрабатывать и принимать реалистически взвешенные внешнеполитические решения и проводить их в жизнь оказывались все более подорванными и ограниченными. Первоначально незначительное воздействие «уотергейта» на внешнюю политику США становилось все более серьезным, затрагивая прежде и больше всего такие жизненно важные проблемы советско-американских и общих международных отношений, как ограничение гонки вооружений, торговля, урегулирование конфликтных ситуаций. Как констатировал американский обозреватель М. Мардер, «ослабленные уотергейтским скандалом возможности президента выполнять свои обязательства по договору (перед Советским Союзом.— Ю. М.) резко сократились»³⁰.

Соединение кампании за отставку президента Р. Никсона (в связи с совершенными им нарушениями внутренних законов США) с нападками и требованиями пересмотра проводившейся его правительством внешней политики оказывало все более ограничивающее воздействие на эту политику³¹.

Под теми предлогами, что уотергейтское дело ослабило позиции президента Никсона на международных переговорах, что он может «принести в жертву» интересы США, «пойдет на чрезмерные

²⁹ Christian Science Monitor, 1974, July 1.

³⁰ The Fall of a President, p. 147.

³¹ The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1978, p. 515; Kissinger H. Op. cit., p. 125—126, 596 а. о.

уступки СССР» ради повышения личного престижа, противники улучшения советско-американских отношений выступили даже против проведения очередной встречи между руководителями СССР и США на высшем уровне летом 1974 г. в Москве, внеся соответствующую резолюцию в сенат. Оказавшись в значительном меньшинстве и не в силах сорвать эту встречу, они тем не менее постарались предпринять все возможное, чтобы сделать ее как можно менее результативной, помешать правительству Никсона—Киссинджера достичь новых важных соглашений с СССР, прежде всего в области сдерживания гонки вооружений. «Деятельность противников разрядки достигла почти лихорадочного состояния как раз в момент, когда я собирался ехать в Советский Союз,— вспоминал Никсон.— Военное ведомство и его многочисленные друзья в конгрессе и стране ополчились против возможности того, что третья встреча могла действительно завершиться успехом в области ограничения наступательных ядерных вооружений...»³² В связи с этим председатель сенатской комиссии по иностранным делам Фулбрайт вынужден был заявить: «Если кто-нибудь и эксплуатирует „уотергейт“ во вред нашей внешней политике, так это не русские, а некоторые наши собственные военные руководители и члены сената... Враги детанта с безошибочным чувством времени выбрали момент отъезда президента в Москву, чтобы сделать ряд выстрелов по его политике»³³.

Все тот же сенатор Джексон, пытавшийся использовать антисоветизм в качестве трамплина в своих корыстных политических целях, за неделю до начала встречи в Москве выступил в сенате с «сенсационными» заявлениями о том, что президент и государственный секретарь США якобы внесли ряд тайных и, разумеется, «выгодных лишь для русских» исправлений в советско-американское Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений 1972 г. Эти заявления, отмечала газета «Вашингтон пост», «усиливают впечатление, что на мистера Никсона нельзя полагаться и что он вообще не должен направляться в Кремль»³⁴.

Вынужденное отбиваться не только от все новых обвинений и разоблачений по уотергейтскому делу, приближавшемуся к развязке, но и от нападок на свою внешнюю политику, правительство президента Никсона стало проявлять подчас определенную непоследовательность и нерешительность в дальнейшем развитии отношений США с другими государствами, прежде всего с СССР.

Воспользовавшись усилением кампании за «ужесточение» позиции США в отношении СССР, развернутой «ястребами» в конгрессе, в прессе, в стране, а также ослаблением личного авторитета президента, противники детанта активизировались и внутри самого правительства США. Они постарались нанести удар по центральной проблеме советско-американских переговоров — подготовке по-

³² The Memoirs of Richard Nixon, p. 1024.

³³ International Herald Tribune, 1974, June 29—30.

³⁴ Washington Post, 1974, June 25.

вого соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), предложив президенту взять с собой уже в июне 1974 г. в Москву «пакет» предложений, нацеленных фактически на обеспечение военного превосходства США, отвергающих принципы равенства и одинаковой безопасности сторон. «Оппозиция американских военных новому соглашению ОСВ,— писал в мемуарах Р. Никсон,— окончательно выявилась в ходе заседания Совета национальной безопасности во второй половине дня 20 июня, когда министр обороны Шлесинджер представил проект Пентагона. Он сводился к бескомпромиссно жесткой линии против любого соглашения ОСВ, которое не обеспечивало бы подавляющего преимущества США. Это был проект, который советская сторона, несомненно, отвергла бы с ходу»³⁵.

Как признавал бывший президент, выступление Шлесинджера носило не только открыто антисоветский, но и в какой-то мере пренебрежительно антиниксоновский характер. «Поведение Шлесинджера... начальников штабов на заседании СНБ,— записал Никсон в тот же вечер в дневнике,— явилось настоящей неожиданностью». Шлесинджер, в частности, предложил Никсону использовать свое «адвокатское красноречие», чтобы «продать» проект Пентагона советским руководителям³⁶.

Таким образом, если в 1972 г. Никсон и Киссинджер смогли «подавить» аналогичный «бунт» Пентагона против соглашений об ограничении стратегических вооружений, то на этот раз обстановка существенно изменилась. Сознывая, что проект Пентагона заведомо неприемлем для СССР, и лично не одобряя его, Никсон вынужден был, однако, попытаться представить этот проект для обсуждения советской стороне, чтобы удовлетворить настояния пентагоновских «ястребов» во главе со Шлесинджером. Разумеется, из этой попытки ничего не вышло. Она лишь задержала ход жизненно важных советско-американских переговоров по ОСВ-2.

Настойчивая и последовательная борьба Советского Союза за улучшение советско-американских отношений не позволила противникам разрядки сорвать или сделать безрезультатным визит президента Р. Никсона в Москву в конце июня — начале июля 1974 г., т. е. всего за месяц до его вынужденного ухода из Белого дома под угрозой импичмента. Однако советско-американские переговоры этого периода могли бы быть, очевидно, более успешными, комплекс достигнутых на них соглашений — более широким, если бы, в частности, американские представители не были обременены уотергейтским делом и опасениями дальнейшего усиления нападков на них со стороны противников мирного сосуществования.

В результате осложнения и завязывания внутри- и внешнеполитических, а также экономических и военных проблем в один узел в период «уотергейта» осложнился процесс развития отношений

³⁵ The Memoirs of Richard Nixon, p. 1024.

³⁶ Ibid. См. также: Kissinger H. Op. cit., p. 1151—1158.

США не только с Советским Союзом, но и с другими странами — в Западной Европе, Латинской Америке, с КНР. По существу в «замороженном» состоянии в 1973—1974 гг. оказались американо-западноевропейские отношения, несмотря на то что правительство Никсона—Киссинджера объявило 1973 год «годом Европы» и в апреле выступило с предложением о «новой атлантической хартии».

В конечном итоге внешняя политика и дипломатия США в период «уотергейта» стали своего рода орудием внутривластной борьбы не только оппонентов президента Никсона, но в известной, а подчас и довольно опасной мере и его собственным. До сих пор, например, неясно, кто, как и почему явился инициатором объявления тревоги и приведения в состояние повышенной боевой готовности вооруженных сил США во всем мире во время октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке. Стандартные оправдания этого крайне вопиющего и чреватого угрозой всеобщей термоядерной войны акта ссылками на мифическую «опасность со стороны СССР» не выдерживают никакой критики. В то же время весьма обоснованным представляется мнение ряда наблюдателей о том, что подобные действия, акцентирование внимания на возможности войны были вызваны желанием Никсона отвлечь общественность от расследования «уотергейта», показать несвоевременность и рискованность всякого «ослабления» позиций президента США в период сложных и острых международных событий.

Импульсивные действия Вашингтона, державшие в напряжении весь мир, фактически не оказали воздействия на ход расследования уотергейтского дела, но нанесли определенный ущерб курсу на улучшение отношений с СССР. Воспользовавшись искусственно созданной «чрезвычайной», кризисной ситуацией, милитаристские и реакционные круги США с новой силой развернули клеветническую кампанию против СССР, за усиление гонки американских вооружений. Так, бывший командующий интервенционистскими войсками во Вьетнаме, начальник штаба сухопутных сил США генерал К. Абрамс поспешил заявить о том, что детант может измениться «столь же быстро, как вообще меняются ощущения»³⁷.

Подобное выступление свидетельствовало не только о подлинном отношении американской военщины к вопросам разрядки, но и об ослаблении контроля Белого дома над военными кругами страны, что являлось одним из последствий «уотергейта». Дело в том, что, как правило, военные деятели не могут высказываться по политическим вопросам без специального разрешения правительства. Генерал Абрамс не только нарушил этот обычай, но и фактически открыто выступил против официальной политики администрации Никсона. Как известно, эта политика, неоднократно изложенная президентом и членами кабинета и отражавшая реальное положение дел, сводилась к тому, что только в условиях разрядки оказалось возможным избежать конфронтации двух великих держав — СССР и

³⁷ International Herald Tribune, 1973, Oct. 29.

США — в ходе ближневосточной войны в октябре 1973 г. и достигнуть быстрого согласования их позиций относительно прекращения этой войны.

В специальном интервью американским телевизионным компаниям Г. Киссинджер признал, что разрядка необходима из-за опасности, создающейся в результате накопления ядерного оружия сторонами. США стоят за разрядку напряженности, продолжал государственный секретарь, ибо это ограничит опасность серьезного ядерного конфликта. Такая политика «делает возможным более быстрое урегулирование и создает некоторую степень сдержанности, когда возникают кризисы»³⁸.

Ослабление позиций, непоследовательность политических шагов и, наконец, вынужденная отставка президента Никсона в результате уотергейтского дела были использованы воинствующими реакционными силами США в узкокорыстных интересах — для дискредитации и срыва курса на улучшение советско-американских отношений и для усиления международной напряженности. В конце 1974 г. было сорвано заключение советско-американского торгового договора, с 1975 г. началась затяжка переговоров по ОСВ-2, в 1976 г. в Вашингтоне отказались от самого термина «детант», в 1977 г. Картер выступил с притязаниями на мировое «моральное лидерство» США, а в 1980—1981 гг. Рейган уже выдвинул лозунг «восстановления военного превосходства Америки» над СССР и всем остальным миром, и т. д.

«Уотергейт» стал, таким образом, одной из важных вех в повороте во внешней политике США от переговоров и соглашений к конфронтации с СССР, мировым социализмом, национально-освободительным, революционным и демократическим движениями.

³⁸ Цит. по: Правда, 1973, 4 нояб.